

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.3>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

ГЛАГОЛЫ ВОСПРИЯТИЯ И ЭМОЦИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ VS ТЕКСТЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
devgeniya@inbox.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Александровна Сафонова

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
i_safonova@list.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье описывается специфика функционирования древнерусских перцептивных и эмотивных глаголов, которые, как подтверждают данные лексикографических источников, являются генетически связанными. Рассмотрены этимологические отношения некоторых глаголов восприятия и эмоций. Определено, что семантической основой для эмотивов как «субъективных» лексических единиц часто становятся физические действия и состояния, «зримые», объективные по своей природе, к которым может быть отнесено и восприятие.

Анализ функционирования глаголов восприятия и эмоций проводился на материале переводного – «Жития Андрея Юродивого», представленного в древнейшем списке перевода на славянский язык, датируемом концом XIV в., и оригинальных агиографических памятников – «Жития Феодосия Печерского» и «Сказания о Борисе и Глебе», представленных в «Успенском сборнике» XII в.

Установлено, что значимой в контексте является передача причинно-следственных отношений, находящая отражение в порядке следования перцептивных и эмотивных глаголов, который может быть различным. В большинстве контекстов перцептивные глаголы предшествуют эмотивным, что отражает реальную последовательность номинируемых ими действий. При этом глаголы восприятия могут употребляться в прямых и переносных значениях, сформировавшихся на основе семантической модуляции, тогда как эмотивные глаголы, обнаруживают возможность использования в значениях, сформировавшихся на основе семантической деривации. В ряде контекстов перцептивные глаголы находятся в постпозиции по отношению к эмотивным и обнаруживают в своих смысловых структурах деривационные семантические изменения; по мнению авторов, такой порядок следования глаголов восприятия и эмоций маркирует значимый для агиографа смысл.

Ключевые слова: история русского языка, житийный текст, глаголы восприятия, глаголы эмоций, семантическая структура, смысловая структура, семантическая модуляция, семантическая деривация.

1. Введение. Моделируя внутренний мир человека, исследователи всегда уделяли особое внимание перцептивным и эмоциональным процессам. Еще древнегреческие философы говорили о нескольких функциональных проявлениях души человека: Это и *животное* начало человека, обнаруживающее себя как его витальность, и *инстинктивная* сторона, тесно связанная с его витальностью, и совокупность *ощущений*, открытых человеку благодаря наличию у него пяти органов чувств, и *эмоциональное* начало, обнаруживающее себя в его страстях и переживаниях, и *волевое* начало (см.: [3, с. 67]). Перечисляя «основные невидимые органы человека», Е.В. Урысон называет душу, память, совесть, ум, воображение, а также слух и зрение [10, с. 87]. При этом душа оказывается тесно связанной с сердцем и психологическими переживаниями.

Характеризуя «основные системы человека» по данным языка, Ю.Д. Апресян выделяет физическое восприятие, физиологические состояния, физиологические реакции, физические действия и деятельность, желания, мышление, эмоции и речь, среди которых наиболее автономным является восприятие (чистое восприятие происходит само собой, независимо от деятельности других систем), а наименее автономными – эмоции и речь (в наибольшей степени взаимодействуют с другими системами человека) [1, с. 42–47]. Исследователь отмечает, что эмоциональная система – одна из самых сложных систем человека, поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека [1, с. 51]. Определяя фазы развития эмоций с опорой на данные современного русского языка, ученый называет физическое восприятие (наряду с ментальным созерцанием) первопричиной эмоций, которая составляет первую из пяти выделенных фаз [1, с. 52].

Восприятие и эмоции репрезентируются в русском языке посредством разных лексических средств; к их числу относятся перцеп-

тивные и эмотивные глаголы, которые и являются объектом рассмотрения в данной работе. Значимым при этом представляется изучение взаимодействия названных глагольных единиц в исторической перспективе¹.

2. Формирование эмотивной семантики в процессе переосмысления представлений о восприятии. Данные этимологических словарей позволяют выявить этимологическую связь некоторых глаголов восприятия и эмоций.

Так, формирование эмотивного значения на базе представлений о зрительном восприятии наблюдается в истории слов с корнем *-див-*. Исследователями признается возможной родственная связь глагола *дивиться* со словами, имеющими значение «бог», в литовском, латышском, латинском и некоторых других языках (Фасмер I, с. 513). По мнению П.Я. Черных, сопоставление с данными перечисленных языков свидетельствует о том, что указанное значение является старшим (Черных I, с. 252). В связи с этим интересным представляется пример пословицы, приводимый В.И. Далем для иллюстрации значений глагола *дивиться* в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Земная хвалится, а небесная дивится, о похвальбе» (Даль I, стб. 1079). Однако О.Н. Трубачев, сопоставляя более широкие языковые данные, считает, что для рассматриваемого глагола древнейшим является значение «смотреть» (ЭССЯ 5, с. 32–33). Принимая последнюю точку зрения, мы можем предположить, что наименование физического восприятия объекта предшествовало обозначению эмоционального переживания.

Сведения этимологического характера также позволяют установить связь глагола *жалеть* с индоевропейским корнем (с чередованием *e//a*), имевшим значение «колоть, жалить, боль», к которому восходит и глагол *жалить*. По-видимому, данное значение являлось первичным по отношению к эмотивному. Языковое выражение эмоций осуществлялось с помощью переноса наименования конкретных тактильных ощущений на абстракт-

ные переживания: боль от укола соотносилась с чувством жалости (Черных I, с. 291; Фасмер I, с. 35).

Исследователи отмечают этимологическую связь корней *-обид-* и *-вид-*. У глагола *обидеть* исторически выделяется приставка *о(б)-* и корень *-вид-*; старшим для данного глагола признается значение «оглядывание», «осматривание» (Черных I, с. 585) или «обойти взглядом», то есть «смотреть мимо, не замечать, не видеть» [11, с. 83, 87].

Ряд примеров, иллюстрирующих тесную связь перцептивной и эмотивной лексики уже в дописьменный период, безусловно, можно было бы продолжить, поскольку рассмотренные эволюции семантики эмотивных глаголов свидетельствует о том, что этимологической основой их как лексики «субъективной» являются наименования физических действий и состояний, «зримых», объективных по своей природе: конкретное переосмысливается как абстрактное [9, с. 206]. Объяснение тому, что «физическая» лексика является основным источником «психологической» лексики, можно видеть в специфике формирования представлений об абстрактном: внутренний мир моделируется по образцу внешнего, материального мира [см.: 2, с. 95].

3. Функционирование глаголов восприятия и эмоций в древнерусском тексте.

Источниками для отбора фактического материала – глаголов восприятия и эмоций – послужили «Житие Андрея Юродивого», «Житие Феодосия Печерского» и «Сказание о Борисе и Глебе»², поскольку они обнаруживают сходство в функционировании изучаемых глагольных единиц.

3.1. Процессы, обозначаемые перцептивными и эмотивными глаголами, связаны причинно-следственными отношениями: результаты восприятия становятся основой эмоционального переживания, что обуславливает возможность употребления рассматриваемых глаголов в рамках одного контекста. Глаголы восприятия в большинстве случаев предшествуют эмотивным, что отражает реальную последовательность обозначаемых ими процессов. Например: *видив же прпѣвнаго овнажена тѣломъ ино лишена. милостью сѧ приклонивъ. дивлашеса сему* (ЖАЮ, 1497–1499); *да тако се стѣи видѧ.*

дивлашеса. близъ пришедъ къ уерньцю. глѧдѧше образъ змиа того и облучиѧа кго (ЖАЮ, 2759–2760); *си слышавъши мѣти кго и удивъши сѧ о премоудрости отрока* (ЖФП, л. 29 г); *видив же двери ѿверзъшасѧ. оужасеса страхы и науѧ трепетати* (ЖАЮ, 1869–1871); *се слышавъ уерньць. оубога сѧ словесъ. исшедшихъ из оустъ стѧго* (ЖАЮ, 2928–2929); *то же слышавъ князь и оубога въ сѧ гнѣва бѧга* (ЖФП, л. 34 а); *да нѣкто ѿ божицнѣхъ. видивъ тако остро зрѧща епифана прѣдъ амбономъ. мнѧше болишь видѧ. и тѣжаше. глѧ. «видите ли. кака оуность красна и несмыслить»* (ЖАЮ, 4997–5000).

Подобного рода контексты можно разделить на несколько групп в зависимости от того, какое значение (прямое, переносное: модуляционное или деривационное³) реализуется каждой из взаимодействующих лексем.

3.2. Наибольшей частотностью характеризуются контексты, в которых перцептивные и эмотивные глаголы употребляются в прямых значениях⁴.

В таких контекстах перцептивные глаголы обозначают получение информации с помощью органов зрения (*видѣти*, *зрѣти*) или слуха (*слышати*). Процесс восприятия, эксплицируемый данными глаголами, является непреднамеренным, что подтверждается их использованием в сочетании с существительными или местоимениями в форме Вин. п. без предлога (например, *видив прпѣвнаго; видѣвъ отрока; видив двери; се видѧ; зрѧще его; се слышавъ; то слышавъ*). Результаты непреднамеренного восприятия становятся основой для возникновения разнообразных эмоциональных переживаний, например: *да людие зрѧще его. дрѣзни тѣжашѣ. а дрѣзнии брѣзгѣюще проклинашѣ его* (ЖАЮ, 5044–5046). В древнерусском языке лексема *тѣжити* «печалиться» (Срезн. III, стб. 1034) обозначала отнесенную к субъекту отрицательную эмоцию средней степени интенсивности. Глагол связан с обобщенным одушевленным субъектом (*дрѣзнии*) и выражает эмоциональное переживание, получающее одобрительную оценку со стороны повествователя, выявляемую через сопоставление с неприемлемыми действиями других лиц (*а дрѣзнии брѣзгѣюще проклинашѣ его*).

В целом материал показывает, что в результате непреднамеренного восприятия могут возникать и другие эмоциональные состояния, в частности удивления (**ДИВИТИ СЛ**, **УОУДИТИ СЛ**), страха (**ОУБОЯТИ СЛ**, **ОУЖАСАТИ СЛ**), печали (**ТЪЖИТИ**), любви (**ВЪЗЛЮБИТИ**).

3.3. В контексте могут взаимодействовать лексемы в прямом и модуляционном значениях.

В следующих житийных фрагментах использующиеся в прямых значениях перцептивные глаголы **ВИДѢТИ** и **СЛЫШАТИ** соседствуют с эмотивной лексемой, в смысловой структуре которой происходят модуляционные семантические изменения: **ПО ЛѢТѢ ЖЕ КДИНОМЪ ПАКЪ ВИДѢВЪШИ КГО ПЕКОУЩА ПРОСКОУРЪТИ И ОУЪРНИВЪША СѦ УТ ОЖЖЕНИА ПЕЩЬНАГО СЪЖАЛИСИ ЗѢЛО ПАКЪ НАУАТЬ УТТОЛѢ БРАНИТИ КМОУ** (ЖФП, л. 29 г); **ТО ЖЕ СЛЫШАВЪ ОЦѢ КГО СЪЖАЛИ СИ ЗѢЛО КГО РАДИ БЛЮДЪТИ ДА НЕ ГЛАДЪМЪ И ЗИМОЮ ОУМРЕТЬ** (ЖФП, л. 34 г). Лексема **СЪЖАЛИТИСѦ** фиксируется в словарях в прямом значении «огорчиться, опечалиться» (СРЯ XI–XVII 24, с. 115), которое характеризует становление процесса эмоционального переживания; процесс является отношением, принадлежащим к сфере субъекта, а переживание – положительным чувством средней степени интенсивности. Однако в приведенных контекстах речь идет о сильном чувстве (**СЪЖАЛИСИ ЗѢЛО**), что позволяет говорить о процессе семантической модуляции.

Среди рассматриваемых контекстов представлены такие, в которых эмотивный глагол употребляется в прямом значении, тогда как перцептивный – в переносном значении, сформировавшемся на основе семантической модуляции. В контексте **А ТЪ ЗРА НА ЗЛАТНОУ КИСЛО ВЕСЕЛИШИСѦ** (ЖАЮ, 2881–2882) лексема **ВЕСЕЛИТИСѦ** употреблена в прямом значении «радоваться, веселиться, ликовать» (СДР I, с. 396). В таком значении **ВЕСЕЛИТИСѦ** реализует ДП «процесс эмоционального переживания»; процесс является состоянием, относящимся к сфере субъекта, а переживание – длительным положительным чувством, характеризующимся средней степенью интенсивности. В житийном контексте субъект действия является одушевленным, конкретным и выражен личным местоимени-

ем **ТЪ**, указывающим на собеседника. Глагол **ЗРѢТИ** употребляется в приведенном контексте в значении «смотреть, направлять взгляд на что-л.» (СДР III, с. 434), обозначая преднамеренное зрительное восприятие, субъект которого является активным. Контекстуально это подтверждается сочетанием глагольной словоформы с предложно-падежной формой существительного (**ЗРА НА КИСЛО**). Изменение характера процесса (непреднамеренный → преднамеренный) позволяет сделать вывод о модуляционных изменениях в смысловой структуре глагольной словоформы.

3.4. Употребление в одном контексте и перцептивного, и эмотивного глаголов в модуляционных значениях является достаточно редким. В следующем фрагменте модуляционные семантические изменения наблюдаются в смысловых структурах **ЗРѢТИ** и **ВЕСЕЛИТИСѦ**: **НАУА ЖЕ ХЛАПЪ ТАКЪ ЖЕ ОБРАЗЪТИ ДѢЯТИ ПРОТИВНЫ СЪГО ОЦА. ИЖЕ ЗРА НА СЛ НАУА СЛ СМѢЯТИ И ВЕСЕЛИТИСѦ** (ЖАЮ, 1632–1638). Глагол **ЗРѢТИ** претерпевает изменения, тождественные описанным выше: в результате изменения характера процесса он получает возможность обозначать преднамеренное зрительное восприятие (**ЗРА НА СЛ**). Глагол **ВЕСЕЛИТИСѦ**, в прямом значении репрезентирующий эмоциональное переживание как состояние субъекта, в данном случае реализует переносное значение «развлекаться», характеризующее процесс, являющийся следствием эмоционального переживания, и становится глаголом действия, обозначающим внешнее проявление положительной эмоции средней интенсивности, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта. Показателем переносного модуляционного значения является препозитивное использование лексемы **СМѢЯТИСѦ** «смеяться» – глагола действия, обозначающего внешнее проявление положительной эмоции высокой интенсивности, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта. При этом обращает на себя внимание важная особенность глагола **ВЕСЕЛИТИСѦ** (в значении «развлекаться»): он совмещает в своей смысловой структуре семантику действия и эмоционального состояния.

3.5. В анализируемом материале представлены контексты, в которых деривацион-

ные эмотивы могут соседствовать с перцептивными глаголами как в прямом, так и в переносном модуляционном значении.

В основе употребления деривационных эмотивных глаголов, как правило, лежит метафорический перенос. Причиной, по которой агиограф обращался к метафоре, могло служить стремление к образности, способной более ярко передать интенсивность описываемого эмоционального переживания. Наиболее частотным средством создания художественного образа является сравнение чувств с огнем, например: и се во видѣ на срауници юго кровь соущю wt въгръзениа желѣза и раждьгъши сѧ гнѣвъмъ на нь и съ гаростию въставъши и растързавъши сороуцию на немъ (ЖФП, л. 30 в); си же слышавъ богодъхновенъи ѿевдосни и раждьгъ сѧ бжствною рвьностию и любвьню и дышаникмъ бжикъмъ (ЖФП, л. 30 г). В случаях, когда перцептивные глаголы видѣти и слышати реализуют прямые значения, связанные с непреднамеренным зрительным и слуховым восприятием, глагол раждещисѧ используется в переносном значении, сформировавшемся на основе семантической деривации.

Основным для лексемы раждещисѧ было значение «разгореться, запылать» (СРЯ XI–XVII 21, с. 131), что позволяет отнести ее к ЛСГ глаголов изменения количественного признака. О реализации данного значения свидетельствует конкретный, неодушевленный субъект действия – огонь. Однако в древнерусском языке в результате семантической деривации анализируемый глагол приобрел значение «распалиться, вспылать каким-либо чувством» (СРЯ XI–XVII 21, с. 132) (КЛС ‘эмоциональное переживание’). В приведенном контексте раждещисѧ является эмотивным глаголом, реализующим ДП «процесс эмоционального переживания» и обозначающим становление эмоции высокой степени интенсивности, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта.

О реализации эмотивного значения в приведенном житийном фрагменте свидетельствуют характер субъекта (одушевленный, конкретный), выраженного местоимением она, соотносимого в широком контексте с матерью святого, и именем собственным

ѿевдосни, а также контекстуальные уточнители, подчеркивающие специфику эмоционального переживания (гнѣвъмъ, бжствною рвьностию и любвьню и дышаникмъ бжикъмъ).

В нашем материале представлены также контексты, в которых отмечено употребление перцептивного глагола, обнаруживающего в своей смысловой структуре модуляционные семантические изменения, и глагола, эмотивное значение которого стало результатом семантической деривации. Например: и възърѣвъ на небо съ слъзами и горѣ въздъхнуувъ · наутъ молити ста сицими глѣты (СкГБ, 12 а). Глагол възърѣти в данном случае обозначает преднамеренное зрительное восприятие, не ориентированное относительно определенного объекта, но имеющее направленность вверх. Это подчеркивается употреблением глагола в сочетании с предложно-падежной формой существительного, которое называет пространство, находящееся выше человека (на небо). Изменение направления взгляда (на объект в целом → вверх) свидетельствует о перегруппировке семантических признаков модуляционного характера.

В смысловой структуре глагола въздохнути (воздохнути) отмечается перегруппировка семантических признаков деривационного характера. Основным для данной лексемы являлось значение «сделать вдох» (СРЯ XI–XVII 2, с. 148), в котором она может быть отнесена к лексико-семантической группе глаголов физиологического действия. Словарь фиксирует также значение «вздохнуть, опечалившись» (СРЯ XI–XVII 2, с. 148). В этом значении анализируемый глагол реализует ДП «процесс, ставший следствием эмоционального переживания» и является глаголом действия, обозначающим внешнее проявление отрицательной эмоции, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта. На то, что в приведенных контекстах глагол обозначает следствие эмоционального переживания, указывает лексема слъза (съ слъзами).

3.6. Немногочисленными, но при этом показательными являются контексты, в которых эмотивные глаголы предшествуют перцептивным. Например, отмечается использование в такой позиции глагола любити в пря-

мом значении: *ре̄ѣ же ми праведникъ. «гѣне и брате мои добрыи. поучто тако еси тѣжилъ мене дѣла... не вѣси ли. тако хранишь гѣ вса любящаго его. тако близъ есть гѣ скрѣшеныхъ срѣцемъ и смиреныхъ дѣхомъ спсе̄т. не вѣдѣлъ ли еси тако рекыи моемъ лишенью. тако “всю дшею аще ма любити научеши. оузриши дары мога и много оутѣхъ. таже ти вѣдетъ ѿ мене”. да не мози. дрѣже мои. ѿселѣ тако тѣжити о мнѣ отинѣдъ...»* (ЖАЮ, 676–688). Перцептивный глагол *оузрѣти*, напротив, используется в приведенном контексте в переносном значении. Для *оузрѣти* прямым является значение «увидеть» (Срезн. III, стб. 1174), которое реализуется в случае употребления его в сочетании с конкретными существительными. При употреблении в сочетании с существительным абстрактной семантики, в данном случае с существительным *даръ* «благо, милость, добро, благодеяние» (СДР II, с. 432), рассматриваемый глагол приобретает значение «узнать, уразуметь» (Срезн. III, стб. 1175) и, следовательно, репрезентирует уже не зрительное восприятие, а мыслительную деятельность. Соответственно, в смысловой структуре глагольной словоформы происходят деривационные семантические изменения, которые приводят к актуализации в статусе категориально-лексической семы ‘мыслительная деятельность’ при нейтрализации исходной для всех перцептивных глаголов категориально-лексической семы ‘восприятие’.

Все это позволяет заключить, что нарушение «прямых» причинно-следственных связей, эксплицированных с использованием перцептивных и эмотивных глаголов, становится приемом, посредством которого выражается особо значимый для автора смысл, а приведенный житийный фрагмент может быть истолкован как содержащий морально-нравственную сентенцию, построенную на требовании отказаться от обыденного, удобного порядка, призывающую к некоторому преодолению себя.

4. Вывод. Проведенный анализ происхождения древнерусских глаголов восприятия и эмоций, а также использования их в житийном тексте позволил прийти к выводу о тесных смысловых и функциональных связях рас-

сматриваемых единиц, реализующихся, в первую очередь, в эпидигматическом (отношения производности) и синтагматическом (устойчивость контекстуального употребления) аспектах.

Возможности употребления глаголов восприятия и эмоций в рамках одного контекста определяются, во-первых, спецификой обозначаемых ими процессов, которые связаны причинно-следственными отношениями, что находит отражение в порядке следования лексем, и, во-вторых, особенностями выражаемых ими языковых значений.

В контекстах с «прямым» порядком следования (когда глаголы восприятия предшествуют глаголам эмоций) перцептивные и эмотивные глаголы реализуют прямые и переносные модуляционные значения. Возможным также является использование глаголов, ставших эмотивными в результате семантической деривации.

В контекстах с «обратным» порядком следования анализируемых единиц, отражающим интенцию автора, глаголы восприятия претерпевают деривационные семантические изменения, обнаруживая связь с другим когнитивным процессом, тогда как в смысловой структуре глаголов эмоций каких-либо семантических изменений не отмечается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализ языковых фактов проводится с учетом разграничения семантической структуры слова и смысловой структуры словоформы. *Семантическая структура* слова понимается как «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [5, с. 5]. *Смысловая структура* – структура словоформы, функционирующей в контексте [7, с. 83–84]. Семантическая структура глагольной единицы описывается с помощью понятий «категориально-лексическая сема» (КЛС), «интегральная сема» (ИС), «дифференциальный признак» (ДП), которые отражают структуру значения слова.

² Для отбора языкового материала использовались древнейший список перевода «Жития Андрея Юродивого» на славянский язык, датированный концом XIV века. Изд.: Молдован, А. М. «Жи-

тие Андрея Юродивого» в славянской письменности / А. М. Молдован. – М. : «Азбуковник», 2000. – С. 159–450 (в круглых скобках указываются номера строк); старшие списки «Жития Феодосия Печерского» и «Сказания о Борисе и Глебе», представленные в «Успенском сборнике». Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1971 (в круглых скобках указываются номера листов).

³ Семантическая модуляция определяется как универсальный речемыслительный процесс, объединяющий разноуровневые средства данного языка в ряды речевых соответствий для реализации семантико-смысловой соотнесенности компонентов содержательной структуры слов, словоформ, морфем, словосочетаний, предложений, текста. На лексическом уровне результаты семантической модуляции обнаруживаются при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, со смысловой структурой словоформы, функционирующей в тексте, в частности в высказывании, равном предложению. Модуляционные семантические изменения не затрагивают ядерных признаков, объединяющих слова в функционально-семантическое поле, не выводят слово за рамки исходной лексико-семантической группы, устанавливая синонимические отношения в пределах этой ЛСГ на основе какой-либо семы, изменившей свой статус. Порогом для семантической модуляции можно считать семантические изменения, при которых категориальная лексическая сема реализуется хотя бы в одном дифференциальном признаке функционирующей словоформы.

Семантическая деривация понимается как процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы. Перегруппировка семантических признаков деривационного характера приводит к появлению новой лексической единицы (омонима), которая характеризуется иными отношениями на уровне парадигматики и синтагматики [6, с. 22–23].

⁴ О семантических признаках, формирующих семантические и смысловые структуры перцептивных и эмотивных глаголов, а также о возможностях перегруппировки признаков внутри смысловых структур глаголов данных групп см. в [4; 8; 9, с. 180–240, 241–290].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
3. Берестнев, Г. И. Самосознание личности в аспекте языка / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 60–84.
4. Дмитриева, Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском языке / Е. Г. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 14–19.
5. Лопушанская, С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении): сб. ст. – Волгоград: Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.
6. Лопушанская, С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс / С. П. Лопушанская // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 20–29.
7. Лопушанская, С. П. Соотношение понятий *стереотипность*, *концептуальное ядро* и *концептосфера* в языкознании / С. П. Лопушанская // Studia Rossica Poznaniensia. Vol. XXX. – Poznań: Adam Mickiewicz University Press, 2002. – S. 79–85.
8. Сафонова, И. А. Изменения смысловой структуры глаголов восприятия в древнерусском тексте / И. А. Сафонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 11–15.
9. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: колл. монография / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова и др.; отв. ред. Е. М. Шептухина. – 2-е изд., доп. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 352 с.
10. Урысон, Е. В. Душа / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. 1. – С. 87–92.
11. Цейтлин, Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV. Проблемы и методы / Р. М. Цейтлин. – М.: Наука, 1996. – 226 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Даль* – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.
- СДР* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–X. – М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2013.
- Срезн.* – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – М.: Знак, 2003.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. – М.: Наука, 1975–2011.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. – М.: Наука, 1974–2014.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [Image of the person according to language: attempt of the system description]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1995, no. 1, pp. 37-67.

2. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i yego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its Meaning : Logical and Semantic issues]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 383 p.

3. Berestnev G.I. *Samoznanie lichnosti v aspekte yazyka* [Consciousness of the Personality in the Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2001, no.1, pp. 60-84.

4. Dmitrieva E.G. *Izmeneniya smyslovy struktury glagolov emotsiy v drevnerusskom yazyke* [Changes of semantic structure of verbs of emotions in Old Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2010, № 1 (11), pp. 14-19.

5. Lopushanskaya S.P. *Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v processe modulyatsii* [Changes in the semantic structure of unprefixated Russian verbs of motion in the modulation process]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [The Russian verb (comparative aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, 1988, pp. 5-19.

6. Lopushanskaya S.P. *Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitel'nyi process* [Semantic modulation as a speech-and-mental process]. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkiy glagol: Istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Scientific Schools of Volgograd State University. Russian verb: History and current state]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000, pp. 20-29.

7. Lopushanskaya S.P. *Sootnoshenie ponyatiya stereotipnost', kontseptual'noe yadro i kontseptosfera v yazykoznanii* [On coordination between the notions of stereotype, conceptual core and concept sphere in linguistics]. *Studia Rossica Poznaniensia*. Vol. XXX.

Poznań, Adam Mickiewicz University Press, 2002, pp. 79-85.

8. Safonova I.A. *Izmeneniya smyslovy struktury glagolov vospriyatiya v drevnerusskom tekste* [Changes of semantic structure of verbs of perception in Old Russian text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2009, no. 1 (9), pp. 11-15.

9. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinhronno-diahronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian verb: synchronous and diachronic aspect] / E.M. Sheptukhina (ed.). Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2009. 352 p.

10. Uryson E.V. *Dusha* [Soul]. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Vol. 1. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1997, pp. 87-92.

11. Tseytlin R.M. *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X/XI-XIV/XV. Problemy i metody* [Comparative lexicology of Slavic languages X/XI-XIV/XV. Problems and methods]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 226 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vols.]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 1998.

Slovar' drevnerusskogo yazyka XI-XIV vv. [Dictionary of the Old Russian language. The XI-XIV centuries]. Vol. I-X. Moscow, Russkiy yazyk, Azbukovnik Publ., 1988-2013.

Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language. The XI-XVII centuries]. Vol. 1-29. Moscow, Nauka Publ., 1975-2011.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language in written manuscripts. In 3 vols.]. Moscow, Znak Publ., 2003.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological dictionary of Russian. In 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986-1987.

Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoy russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian. In 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund] / O.N. Trubachev, A.F. Zhuravlev (eds.). Vol. 1–39. Moscow, Nauka Publ., 1974-2014.

**VERBS OF PERCEPTION AND EMOTIONS
IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE AND TEXT:
FUNCTIONAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS**

Evgeniya Gennadyevna Dmitrieva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
devgeniya@inbox.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Irina Aleksandrovna Safonova

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
i_safonova@list.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to functional specifics of perception and emotion verbs in the Old Russian language; the studies of lexicographical sources have proved that they are genetically related. The author focuses on etymology of the some verbs of perception and emotions. It is stated that the meaning of physical activity or state is associated with the process of perception (objective and independent by nature), which explains the reason for the emotive words to make a bank of subjectively oriented units.

The functional analysis of perception and emotion verbs was performed on the material of “Andrew the-Fool-for-Christ Life”, a Slavonic translated version of the text from the ancient list, dated as the end of the 14th cen., and the original hagiographic texts: “Life of Theodosius of the Caves”, “The Tale of Boris and Gleb” from “The Uspensky Manuscript” of the 12th cen.

It has been stated that the order and variations of perception and emotion verbs represent cause-and-reason relations. In the majority of the contexts emotion verbs follow the verbs of perception thus reflecting the consequence of the activities nominated by them. The verbs of perception may be used in the logical and metaphorical meanings, which is the result of semantic modulation; emotion verbs demonstrate connections with semantic derivation. Some contexts testify the postposition of perception verbs towards the emotion ones; the derivational semantic changes are thought in such cases to be pointing to the hagiographic sense in the text.

Key words: Russian language history, hagiographic text, verbs of perception, verbs of emotion, semantic structure, content structure, semantic modulation, semantic derivation.